

УДК 323.172

*Литвинова Т.Н.
Litvinova T.N.*

Этнополитический процесс на Северном Кавказе России: факторы развития и проблемы управления

**Ethno-political processes in the North Caucasus of Russia:
factors of development and problems of governance**

В статье рассматриваются этнополитические процессы на Северном Кавказе России в постсоветский период. Особое внимание автор уделяет выявлению структурных, ситуационных и процедурных факторов развития региональной политической системы. Наряду с историческими предпосылками нестабильности, раскрываются социально-экономические проблемы современного северокавказского социума, а также проблемы государственного управления.

Ключевые слова: *этнополитический процесс, исторические факторы, ситуативные факторы, процедурные факторы, государственное управление*

The article examines the ethno-political processes in the North Caucasus of Russia in the post-soviet period. The author pays special attention to the detection of structural, situational and procedural factors of regional political system development. Besides historical factors of instability we reveal the social and economic problems of modern North Caucasian society, and problems of state governance.

Key words: *ethno-political processes, historical factors, situational factors, procedural factors, public administration.*

Северный Кавказ – самый полиэтничный регион России с высокой плотностью населения, характеризующийся наличием значительного числа больших и малых проблем, в том числе представляющих опасность для общественно-политической стабильности. В настоящей статье мы попытаемся раскрыть понятие этнополитического процесса, выявить факторы его развития и проблемы государственного управления в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации.

Под этнополитическим процессом мы понимаем особый вид социально-политических и исторических процессов, который представляет собой совокупность связанных между собой в пространстве и во времени действий различных этносов (этносоциальных и политических институтов и групп), направленных на достижение их целей и защиту интересов через использование власти.

Этнополитический процесс, как и любой другой политический процесс, является результатом воздействия определённых факторов. Факторы этнополитического процесса это – политические и социальные условия и обстоятельства, которые характеризуют взаимоотношения между

этносом и государством или несколькими этническими группами и определяют масштабы и продолжительность этнополитических кризисов.

Учёные по-разному подходят к рассмотрению факторов этнической напряжённости. Например, М.М. Лебедева в своей работе «Межэтнические конфликты на рубеже веков» выдвинула идею, что на возникновение этнополитических конфликтов влияют два рода факторов: структурные факторы – независимые переменные (структура общества, уровень экономического развития и т.п.) и процедурные, или зависимые переменные (политика, проводимая участниками конфликта и третьей стороной) [10, с. 32].

Изучив несколько этнических конфликтов, М.М. Лебедева выявила следующие структурные факторы, наличие которых определяет назревание этнического конфликта в полиэтничном государстве:

- ♦ наличие различных этнических групп и/или конфессий с административным делением, основанным на принципе национальных территорий;

- ♦ значительная региональная дифференциация при одновременно высоком уровне централизации страны;

- ♦ наличие существенных социально-политических изменений и появление новых политических и/или экономических элит;

- ♦ слабость, неразвитость институтов и механизмов, призванных обеспечивать урегулирование и разрешение конфликтных ситуаций;

- ♦ недостаточное развитие культуры согласия в обществе, т.е. системы ценностей и традиций, ориентированных на мирное урегулирование [10, с. 33].

В любой конфликтной ситуации стороны могут действовать либо в одностороннем порядке, либо согласовывать свои решения и действия друг с другом. Односторонние действия доминируют в конфликтах, развивающихся вооружённым путём. Совместные действия политических лидеров, направленные на преодоление конфликта, влекут за собой мирный способ его урегулирования. Структурные факторы формируют конфликтную ситуацию, а процедурные – определяют форму её разрешения [10, с. 39].

Отличительной чертой этого подхода к рассмотрению этнополитических факторов является выделение объективно существующих («независимые переменные») структурных факторов, в то время как процедурные факторы являются субъективными («зависимые переменные»), т.к. выбор односторонних или совместных действий при разрешении конфликта во многом зависит от субъектов политической деятельности (лиц, принимающих решение). Кроме того, структурные факторы в большей мере связаны с объективными характеристиками общества (его структурой, уровнем экономического и культурно-политического развития), а процедурные факторы, зависящие от выбора политических действий участников конфликта и третьей стороной, носят субъективный характер.

А. Смирнов предлагает другой подход и выделяет две группы факторов, определяющих тенденции этнополитического развития на Северном Кавказе: долгосрочные и ситуативные. К долгосрочным факторам относятся такие, действие которых сохраняется на протяжении достаточно длительного исторического периода и относительно слабо зависит от конкретных политических условий (этнический состав населения, традиционные социальные структуры, историческая память народов) [15, с. 40].

Ситуативные факторы – это факторы, возникшие в конкретных политических условиях и являющиеся преходящими или искусственно привнесёнными. К ним относится ухудшение экономического положе-

ния, усиление влияния криминальных структур, новые религиозные тенденции и т.д. [15, с. 41]

Таким образом, в отличие от М.М. Лебедевой, А. Смирнов рассматривает только объективные этнополитические факторы, разделяя их на долгосрочные (имеющие длительный характер действия) и ситуативные (проявившиеся в период наблюдения).

Каждый из рассматриваемых подходов имеет самостоятельное значение. Однако, на наш взгляд, факторы развития этнополитического процесса более целесообразно рассматривать, взяв за основу обе методологические позиции.

Объединение этих подходов позволяет нам, во-первых, рассмотреть факторы, оказывающие влияние на функционирование этнополитического процесса, с точки зрения их проявления во времени (структурные или исторические и ситуационные), а, во-вторых, определить характер действий и выбора политических элит (процедурные).

В 1990-е гг. появились многочисленные исследования этнополитических процессов на Северном Кавказе, связанные с обострением социально-политической ситуации в регионе, возникновением целого ряда серьёзных конфликтов (осетино-ингушского, двух войн в Чечне, многочисленных территориальных споров в Дагестане, выступлением «ваххабитов» в Ботлихском районе и других ситуаций этнополитической напряжённости). Этнополитические процессы на Северном Кавказе исследовали А.И. Смирнов [16], Л.Л. Хоперская [25], С.М. Воробьёв и А.М. Ерохин [4] и многие другие авторы. Во многих научных работах того периода подробно рассматривались долгосрочные внутривнутриполитические факторы, которые в условиях становления государственности новой России привели к политическому кризису. Большинство этих факторов связано с советской национальной политикой: произвольным административным делением, депортациями 1944 г., антирелигиозной политикой, а некоторые лежат ещё глубже в эпохе колонизации Северного Кавказа Российской империей.

Среди причин этнополитической напряжённости 1990-х гг. особую роль сыграл политико-правовой фактор, проявившийся в требованиях повышения культурного, а иногда и политико-правового статуса отдельных этнических групп, вплоть до создания национальной государственности. Практически каждая этническая группа на Северном Кавказе заявила о праве на самоопределение, и многочисленные этнические движения провозглашали суверенитет. Действие этого фактора не привело к значительным административно-территориальным преобразованиям, за исключением раздела бывшей Чечено-Ингушской Республики. На административно-политической карте России остались двухсубъектные Карачаево-Черкесская Республика и Кабардино-Балкарская Республика. Хотя довольно часто в научной литературе указывается на искусственность этих территорий, как наследия советской национальной политики, разъединившей родственных кабардинцев и черкесов, с одной стороны, и карачаевцев и балкарцев, с другой. Обсуждаются различные проекты воссоединения в прошлом разъединённых народов: например, образование «Адыгейской республики», объединяющей три родственных народа – кабардинцев, черкесов и адыгейцев, связанных самоназванием «адэгэ», Карачаево-Балкарской республики, объединяющей тюркские народы [22, с. 197]. Однако, учитывая сложную этнополитическую обстановку в регионе, издержки раздела существующих республик могут быть выше выгод. Вопросы административно-территориального деления и без того весьма чувствительные на Северном Кавказе, при значительных преобразованиях могут вновь вылиться во всплески этнополитической нестабильности. В ходе федеральной реформы более популярными

стали идеи не раздела, а укрупнения регионов и даже нивелирования этнической составляющей. Однако и в этом направлении резкие движения весьма опасны, а потому нежелательны.

Политико-правовой фактор лежал в основе требований лезгин, разделённых между Южным Дагестаном и Азербайджаном после распада СССР, о создании своего государственного образования. В начале 1990-х гг. было образовано сразу несколько общественно-политических организаций лезгин, наиболее влиятельной и жизнестойкой оказалось Лезгинское Национальное Движение «Садвал» («Единство»). Принятый в 1996 г. Закон «О национально-культурной автономии» предоставил народам, не имевшим собственной государственности, право национально-культурного экстерриториального самоопределения в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Реализацией это права явилось создание 9 апреля 1999 г. Федеральной Лезгинской национально-культурной автономии (ФЛНКА), которая в настоящее время пытается защитить интересы лезгин, поднимая вопросы не только их культурного и социально-экономического, но и политического развития на государственном уровне. В частности, заметным было участие ФЛНКА в обсуждении вопроса ратификации Российско-Азербайджанского договора о государственной границе 2010 г., который затронул территорию проживания лезгин.

Ещё один важный структурный фактор – территориальный, лежащий в основе процесса репатриации ранее депортированных народов. Именно он был причиной разгоревшегося осенью 1992 г. вооружённого конфликта между осетинами и ингушами. Также территориальный фактор и вынужденные переселения стали источником споров и взаимных претензий между чеченцами-аккинцами и лакцами, лакцами и кумыками в Дагестане. До сих пор представители репрессированных народов считают, что Закон о реабилитации выполнен не в полной мере. Об этом, в частности, заявляли «Совет старейшин балкарского народа», представители правозащитного центра «Мемориал» в Ингушетии [3, с. 116].

Следующий важный долгосрочный фактор – историческая память народа. В последние годы заметную активность проявляют организации черкесов (адыгов), консолидирующие родственные этносы кабардинцев, черкесов и адыгейцев. Их общественные институты имеют представительства за рубежом и связь с зарубежными диаспорами. Важным объединяющим их движения фактором являются историческая память народа о вынужденном массовом переселении черкесов с территории Российской империи во время Кавказской войны (1816–1864 гг.). Вопрос о признании геноцида адыгов постоянно поднимается на международных форумах. Так, в одном из своих выступлений председатель «Адыгэ Хасэ» Адыгей А. Хапай заявил: «Адыги (черкесы) итак потеряли слишком много в годы столетней войны с российским самодержавием, защищая свою независимость. Как представители одного этноса мы, адыги (черкесы), просто выживаем, борясь то за одно, то за другое, вместо того, чтобы развиваться. Сегодня мы вместе обсудили проблемы всего народа. Это проблемы, связанные с адыгским (черкесским) языком и с возвращением адыгов» [2].

Помимо постоянно действующих структурных факторов, на развитие регионального этнополитического процесса влияют ситуационные факторы, проявившиеся в последние годы.

Первый значимый фактор, на наш взгляд, – это депрессивный характер экономики региона, который принял затяжной характер. Цифры свидетельствуют о том, что экономическое положение Северо-Кавказских республик весьма неустойчивое и серьёзно зависит от средств фе-

дерального бюджета. По данным Росстата, консолидированный бюджет субъектов Северо-Кавказского федерального округа в 2015 г. исполнен с дефицитом 22,0 млрд. рублей [17, с. 46]. Наибольшую зависимость от помощи из федерального центра испытывают Дагестан и Республика Ингушетия.

Данное обстоятельство выступает тормозом для наращивания производственного потенциала, развития инфраструктуры, привлечения инвестиций и инноваций, освоения имеющихся природных ресурсов, развития рыночных институтов, структурной перестройки региональной экономики.

Настораживают официальные цифры по уровню безработицы. По данным Росстата, в 2014 г. уровень безработицы в Ингушетии составил 35,6 % экономически активного населения, что, конечно, значительно меньше реальных масштабов [6]. В целом Северо-Кавказский регион характеризуется самым высоким уровнем безработицы в России.

Особенно сложная ситуация сложилась в сельских и горных районах, где темп экономических и социальных преобразований замедлен, а возможностей для трудоустройства и карьерного недостаточны. Например, в горных районах Дагестана население в основном живёт на пособия, выдаваемые государством на несовершеннолетних детей, а также на пенсии по инвалидности, документы, удостоверяющие которую, можно даже купить. Это связано с тем, что работы в горах мало, а людям надо на что-то жить.

Хотя регион сталкивается с серьёзными экономическими проблемами, жители республик Северного Кавказа не мыслят своего существования без России. Сепаратистские настроения населения остались в 1990-х годах. Об этом свидетельствуют результаты исследования, проведённого в 2013 г. «Протестный потенциал в республиках Северного Кавказа: общее и особенное» группой учёных под руководством профессора С.Р. Хайкина.

Приведённые данные показывают стремление населения республик СКФО оставаться в составе России. Выделяется Ингушетия, где 17% высказались за самостоятельное государство, а 13% – за кавказскую

Таблица 1.

Как вы думаете, наша республика сможет добиться лучших результатов в экономическом, социальном и духовном развитии, находясь в составе России, или нам лучше развиваться отдельно, создав собственное государство или федерацию кавказских народов? (в %), 2013 г.

Республики СКФО	Варианты ответов			
	В составе России	Самостоятельное государство	Федерация кавказских народов	Затрудняюсь ответить
Дагестан	85	2	2	11
Ингушетия	68	17	13	3
КБР	89	2	2	8
КЧР	95	1	2	2
РСО-Алания	94	0	2	4
Чечня	84	8	6	2

Источник: составлено автором на основе [12, с. 127]

федерацию. Мы склонны связывать такие результаты с неурегулированным конфликтом (возврат Пригородного района, который ингуши связывают с территориальной реабилитацией депортированных народов), а также депрессивным состоянием экономики Республики Ингушетия. Показательно, что Чеченская Республика, где в недавнем прошлом были распространены идеи сепаратизма, демонстрирует средние показатели по региону. Нулевой показатель ориентации на отделение от России и образование самостоятельного государства отмечается в Северной Осетии.

Второй значимый социальный фактор – демографический, а именно всплеск рождаемости конца 1980-х годов. В настоящее время регион характеризуется высокими цифрами безработицы среди молодёжи, что связано с традиционно динамичными темпами роста населения. Так, по данным Росстата за 2012 г. среди населения от 20 до 29 лет доля безработных в СКФО составляла 44,9%, в Дагестане в этой возрастной группе было зарегистрировано 44,5% безработных, в Чечне – 44,1%, в Ингушетии – 54,4%, в Карачаево-Черкесии – 46,7% [21].

Обилие социально активных граждан представляет собой проблему для республик Северного Кавказа. Регион недостаточно развит экономически, чтобы обеспечить всех хорошей высокооплачиваемой работой.

Третий фактор – религиозный, а именно радикализация ислама. Проявление религиозного экстремизма и терроризма на Северном Кавказе чаще всего связывают с деятельностью так называемых «ваххабитов», которые считают себя сторонниками «чистого» ислама. Социальный портрет вовлечённых в преступления террористического характера – это, как правило, лица, увлекающиеся нетрадиционными течениями в религии, не имеющие достаточного уровня образования, не способные самостоятельно правильно оценить происходящие общественно-политические процессы, в основном обманутые лидерами, идеологами создания «Имарата Кавказ» на территории Северного Кавказа. Обращает на себя внимание тот факт, что количество приверженцев религиозного экстремистского течения постоянно растёт. Оправданную озабоченность в связи с этим вызывает продолжающийся выезд молодёжи за рубеж для получения религиозного образования, а в последние несколько лет для присоединения к мировому «джихаду» в рядах боевиков запрещённой в России организации «Исламское государство».

Сепаратисты и религиозные экстремисты активно используют в качестве канала своей пропаганды сеть Интернет. В начале 2014 г. на сайтах экстремистов было объявлено о смерти амира Докку Умарова, новым главой организации был избран Алисхаб Кебеков (Али Абу-Мухаммад ад Дагестани). В середине 2014 г. на YouTube появилось его обращение, что причинение вреда жизни и имуществу гражданского населения неприемлемо. По его словам, целью боевиков «Имарата Кавказ» (запрещённая в России организация) являются исключительно силовики. Он также призвал боевиков по возможности отказаться от самоподрывов, особо оговорив запрет использовать в подобных вооружённых акциях женщин [9]. Не так уж важно следуют террористы установке Кебекова не совершать самоподрывы или нет. Ясно одно, террористическое бандподполье никогда не было единым. Опасность представляют не только их акции, но и риторика, так как пропаганда экстремизма и терроризма в Интернете доступна для молодёжи Северного Кавказа, несмотря на активные действия спецслужб по блокировке запрещённых в России сайтов.

В настоящее время выходцы с Кавказа воюют в рядах так называемого «Исламского государства». В июне 2013 г. директор ФСБ РФ

А. Бортников заявил, что в Сирии на стороне джихадистов воюют порядка 200 боевиков из России. По другим разрозненным данным, на стороне «Исламского государства» воюют 300–400 и более боевиков – выходцев с Кавказа, которые могут вернуться на территорию России. 3 сентября 2014 г. сторонники «Исламского государства» распространили видеозапись, в которой угрожали начать войну на Кавказе и «освободить Кавказ милостью Аллаха» [5].

В 2010 г. З. Абдулагатов исследовал представления молодёжи до 30 лет 12 городов и районов Республики Дагестан (всего 574 человека). На вопрос о причинах ухода «в лес» (то есть присоединения молодёжи к сторонникам «джихада») были получены следующие ответы: религиозный фактор – «защита истинного ислама» – выбрали всего 7,8 % респондентов, «из-за бандитских побуждений» – 16,5 %, «из-за желания заработать» – 34,4 %, «случайно, поддавшись уговорам, желаю почувствовать романтику» – 33,1 %, «содержать свою жизнь, семью» – 10,5 %, «борьба за социальную справедливость» – 4,4 % [1, с. 181].

Таким образом, безработные, незанятая молодёжь, люди с низким уровнем дохода, пострадавшие от несправедливости силовых структур, потерявшие родных и оказавшиеся в сложных обстоятельствах, могут стать объектом пропаганды сторонников запрещённого в России «Исламского государства».

Социально-экономические проблемы и дисбаланс демографического потенциала и количества рабочих мест привели к тому, что Северный Кавказ отличается одним из самых высоких показателей количества преступлений террористического характера в стране.

Четвёртый важный ситуационный фактор – уровень коррупции в регионе и недоверие к власти. Так, согласно проведённым в регионе комплексным социологическим исследованиям, коррупция, кумовство во власти, произвол чиновников, названы второй по значимости проблемой, которую власть должна разрешить в первую очередь после безработицы.

Высокий уровень коррупции в органах власти и правопорядка способствует росту недоверия граждан официальным государственным институтам. Кроме того, у населения вырабатывается стойкое негативное отношение к работникам правоохранительных органов.

Таблица 2.
Количество зарегистрированных преступлений террористического характера в СКФО в 2015 г.

Регион	Кол-во преступлений	Место в рейтинге по стране
Республика Дагестан	520	1
Кабардино-Балкарская Республика	96	2, 3
Чеченская Республика	340	3, 2
Республика Ингушетия	46	4
Карачаево-Черкесская Республика	55	5, 4
Ставропольский край	33	9, 6
Республика Северная Осетия-Алания	9	14, 15

Источник: составлено автором на основе [13]

Таблица 3.
**Как Вы считаете, какие проблемы в республике самые важные,
 которые власть должна разрешить в первую очередь?
 (2013, %).**

Проблема	Все	Дагестан	Ингушетия	КБР	КЧР	РСО	Чечня
Безработица	43	40	37	43	48	44	47
Коррупция	35	46	27	46	34	26	24
Уровень жизни населения	31	28	14	38	52	32	21

Источник: составлено автором на основе [12, с. 131]

Таким образом, основные ситуационные факторы этнополитических процессов на Северном Кавказе связаны с такими социально-экономическими проблемами, как низкий уровень жизни, безработица (в первую очередь, дисбаланс демографического потенциала и наличия рабочих мест), большое число молодёжи, выросшей в условиях социально-экономического и политического кризиса и не нашедшей своё место в жизни, пропаганда радикального ислама и религиозного экстремизма, объектом которой как раз являются такие неустроенные в жизни молодые люди, и, наконец, высокий уровень коррупции в органах власти и правопорядка.

Следующая группа факторов связана с действиями и выбором региональной политической элиты, которая во многом определяет этнополитическое развитие региона через принятие решений.

После распада СССР северокавказская этнократическая элита пережила длительный и болезненный период трансформации. Долгое время свои позиции на руководящих постах в республиках Северного Кавказа занимали представители советской партноменклатуры (А. Дзагохов в Северной Осетии, М. Магомедов в Дагестане, В. Коков в Кабардино-Балкарии). В связи с возникновением очагов напряжённости и конфликтами популярностью пользовались бывшие военные (Д. Дудаев и А. Масхадов в Чечне, Р. Аушев в Ингушетии, В. Семёнов в Карачаево-Черкессии). В то время северокавказские элиты были ориентированы на большую самостоятельность от федерального центра, участвуя в «параде суверенитетов». В середине 1990-х гг. стало очевидно, что для такой самостоятельности не достаточно имеющихся в регионе ресурсов, и, руководствуясь Федеративным договором 1992 г., региональные элиты сделали выбор в пользу установления «договорной модели» отношений с федеральным центром.

В начале 2000-х гг. к власти приходят представители новой бизнес-элиты (Х. Совмен в Адыгее, М. Батдыев в Карачаево-Черкессии) и работники правоохранительных органов (М. Зязиков в Ингушетии, А. Алханов в Чечне). Однако, несмотря на произошедшие перемены, традиционными условиями формирования северокавказской этнократии, на наш взгляд, остаются следующие: вооружённые конфликты и социально-экономическая нестабильность [11, с. 297]. Именно конфликты способствовали выдвижению на руководящие посты в республиках военных, а затем и других представителей силовых ведомств. Именно социально-экономическая нестабильность обусловила столь долгое нахождение у власти советской административно-хозяйственной номенклатуры, и в то же время позволила побеждать на выборах представителям новой бизнес-элиты.

Федеральный закон, принятый в декабре 2004 г. и внёсший изменения в порядок формирования региональной политической элиты, предоставил федеральному Центру решать вопрос о наделении властью на местах. После принятия этой нормы частым явлением стали «добровольные отставки» высших должностных лиц республик Северного Кавказа ещё до истечения срока их полномочий и назначение новых лиц, рекомендованных федеральным центром. Тогда же произошли качественные изменения в политической элите региона, ушли с постов представители ещё советской партноменклатуры – политические должностные лица М. Магомедов и В. Коков. Пост главы республики стал практически назначаемым, этнополитическая элита – более профессиональной. Таким образом, наделение властными полномочиями в республиках фактически перешло в полное ведение центральной власти. А дотационный характер экономик Северо-Кавказских республик обусловил лояльность их руководства.

2 апреля 2013 г. был принят Федеральный закон № 30-ФЗ, внёсший изменения в закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ [24]. Субъектам РФ закон предоставил право самостоятельно решать, проводить ли прямые губернаторские выборы или выбирать главу региона путём голосования депутатов законодательных собраний. В соответствии с новым Федеральным законом, партии, представленные в парламенте региона, должны предложить Президенту РФ по три кандидата на пост главы субъекта. Из них глава государства должен отсеять шестерых, а голосование в региональном парламенте будет проводиться из оставшихся трёх кандидатов. Очевидно, что возврат к выборам, который установил этот закон, в ближайшее время не изменит состава сложившейся этнократической элиты. Лояльность федеральному центру и членство в партии «Единая Россия» служат залогом выдвижения на руководящие позиции в органах региональной власти.

Этнополитические процессы на Северном Кавказе невозможно рассматривать без учёта особенностей государственного управления. 19 января 2010 г. Президентом РФ Д. Медведевым был подписан Указ, которым в перечень федеральных округов был добавлен Северо-Кавказский федеральный округ. В его состав вошли Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край. Центром федерального округа утверждён город Пятигорск. Республика Адыгея осталась в составе Южного федерального округа.

Создание нового округа показало, что руководство страны рассматривает федеральные округа как эффективный инструмент государственного управления. Тем не менее, негативной стороной образования нового округа, на наш взгляд, стала высокая концентрация проблем и конфликтных рисков: СКФО включает субъекты, которые с точки зрения социально-политической стабильности и экономического развития, являются очень сложными. Следует обратить внимание и на то, что русские составляют чуть меньше трети его населения, в то время как в бывшем ЮФО они составляли две трети.

В целях совершенствования национальной политики России и государственного управления на Северном Кавказе было принято два важных программных документа. 6 сентября 2010 г. Правительством РФ была утверждена «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» [19], которая определяет приоритеты развития региона. Ещё одним значительным

документом стала «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утверждённая Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 [20].

Наконец, для проведения комплексного социально-экономического развития СКФО В.В. Путин издал Указ «О Министерстве Российской Федерации по делам Северного Кавказа» от 12 мая 2014 г. № 321. Указ предусматривал образование министерства, которое будет осуществлять функции, направленные на выработку и реализацию государственной политики в сфере социально-экономического развития региона, а также создания всех необходимых условий для реализации такой политики [23]. И уже 12 июня в г. Владикавказе состоялось заседание Правительственной комиссии, по итогам которого Д.А. Медведев дал Министерству по делам Северного Кавказа ряд поручений для социально-экономического развития СКФО. Поручения содержали следующие основные задачи: развитие существующих промышленных предприятий, в необходимых случаях обеспечение их перепрофилирования; привлечение инвестиционных ресурсов, в том числе посредством предложения программ, способных заинтересовать инвесторов; решение проблемы занятости населения посредством развития рынка труда.

Итак, развитие этнополитических процессов на Северном Кавказе определяется структурными (историческими, политико-правовыми, территориальными), ситуационными (социально-экономическими, демографическими и религиозной ситуацией) и процедурными (роль этнократических элит) факторами. Если в 1990-х и начале 2000-х гг. этнополитическая напряжённость была связана с этническими движениями, их претензиями на суверенитет и историческую справедливость, то в настоящее время более серьёзную угрозу для региональной системы представляет безработица, коррупция, терроризм и радикализация ислама. Если ранее в условиях становления новой государственности этнократическая элита пыталась проявлять самостоятельность, то в настоящее время она лояльна федеральному центру. Развитие этнополитических процессов на Северном Кавказе России было сопряжено с решением сложных политических и социально-экономических проблем. Был пройден длинный путь от «парада суверенитетов» до современной конституционной федерации с вертикально иерархизированной системой государственного управления, в которой региональная власть подчинена федеральной. При этом сохраняется отставание Северного Кавказа в экономическом развитии от других регионов нашей страны. Все же важными результатами развития регионального этнополитического процесса являются сохранение народов Северного Кавказа в политико-правовом поле Российской Федерации, встраивание республик и их органов власти в общегосударственную систему управления. Создание Министерства Российской Федерации по делам Северного Кавказа говорит о переходе к прямому административному управлению этим регионом.

Литература

1. Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодёжи и социальные деформации в молодёжной среде (на примере Республики Дагестан): монография. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. 208 с.

2. «Адыгэ Хасэ» собирается обсудить вопрос о создании Черкесской республики. 21.10.2008 [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru/news/1072218.html (дата обращения: 12.06.2016 г.).

3. Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. 264 с.

4. Воробьёв С.М., Ерохин А.М. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: источники, движущие силы, тенденции. Ставрополь: Издательство СГУ, 2002. 136 с.

5. Выходцы с Кавказа в рядах ИГИЛ. 30 октября 2014 // Кавказский узел. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/251513/> (дата обращения 08.11.2014 г.).

6. Занятость и безработица в Российской Федерации в апреле 2014 года (по итогам обследований населения по проблемам занятости) // Сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/103.htm (дата обращение 12.06.2016 г.).

7. Ильин Е.П. Об оценках террористических угроз и подходах Российской Федерации к противодействию терроризму // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2012. № 7. С. 10–15.

8. Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография / И.В. Стародубовская, Д.В. Соколов. М.: Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 280 с.

9. Кебеков Алисхаб Алибулатович // Кавказский узел. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/239677> (дата обращения: 08.11.2014 г.).

10. Лебедева М.М. Межэтнические конфликты на рубеже веков // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5. С. 31–40.

11. Литвинова Т.Н. Современная политическая элита Северного Кавказа: проблемы становления // Кавказский сборник. Т.3 (35) / Под ред. В.В. Дегоева. М.: НП ИД «Русская панорама», 2006. С. 283–300.

12. Попов Н.П., Хайкин С.Р. Северный Кавказ: трудный диалог с властью // Коммуникология – Communicology. 2014. Т.6. № 4. С. 124–156.

13. Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура РФ. Преступность в регионах в 2014–2015 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 28.11.2015 г.).

14. Сайтов И.А., Миронов А.Е., Королев А.В. Противодействие кибертерроризму – важнейшая задача обеспечения информационной безопасности // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2012. № 7. С. 72–79.

15. Смирнов А. Н. Этнические контуры северокавказской геополитики // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5. С. 40–48.

16. Смирнов А.И. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. М.: ИМЭМО РАН, 2001. 111 с.

17. Социально-экономическое положение Северо-Кавказского федерального округа в 2015 году. М.: Росстат, 2016. 84 с.

18. Спицина А.Ю. Категории населения, подверженные влиянию идеологии терроризма, формы и методы воздействия на них при проведении профилактических мероприятий // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2012. № 7. С. 18–23.

19. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 6 сентября 2010 г. № 1485-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.skfo.ru/article/category/Ekonomika/Strategiya_socialno-ekonomicheskogo_razvitiya_SKFO/ (дата обращения 12.06.2016 г.).

20. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 19

декабря 2012 г. № 1666. // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70284810/#ixzz49VQ0aMSa> (дата обращения 12.06.2016 г.).

21. Структура безработных по возрастным группам в Российской Федерации в 2012 г. // Сайт Федеральной службы государственной статистики. Труд и занятость в России – 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_36/Main.htm (дата обращения 12.06.2016 г.).

22. Раньжина И.В. Региональная структура Северного Кавказа: проблемы – несовершенство – оптимизация в системе федеративного устройства // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / Под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. Издательство «Аспект-Пресс», 2015. С. 192–200.

23. Указ Президента Российской Федерации «О Министерстве Российской Федерации по делам Северного Кавказа» от 12 мая 2014 г. № 321 // Российская газета. 2014. 13 мая (№ 105).

24. Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 30-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 5 апреля.

25. Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы Северо-Кавказского региона: проблемы политического управления. Диссертация в форме научного доклада на соискание учёной степени доктора политических наук. М., 1997. 68 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abdulagatov Z.M. Osobnosti sotsializatsii sovremennoj molodyozhi i sotsial'nye deformatsii v molodyozhnoj srede (na primere Respubliki Dagestan): monografiya. Makhachkala: ИАЕН DNTS RAN, 2011. 208 с.

2. «Adygeh KHaseh» sobiraetsya obsudit' vopros o sozdanii Cherkesskoj respubliki. 21.10.2008 [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru/news/1072218.html (дата обращения 12.06.2016 г.).

3. Astvatsaturova M.A., Tishkov V.A., KHoperskaya L.L. Konfliktologicheskie modeli i monitoring konfliktov v Severo-Kavkazskom regione. M.: FGUN «Rosinformagrotekh», 2010. 264 с.

4. Vorob'yov S.M., Erokhin A.M. Etnopoliticheskie protsessy na Severnom Kavkaze: istochniki, dvizhushhie sily, tendentsii. Stavropol': Izdatel'stvo SGU, 2002. 136 с.

5. Vykhodtsy s Kavkaza v ryadakh IGIL. 30 oktyabrya 2014 // Kavkazskij uzel. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/251513/> (дата обращения 08.11.2014 г.).

6. Zanyatost' i bezrobotitsa v Rossijskoj Federatsii v aprele 2014 goda (po itogam obsledovaniy naseleniya po problemam zanyatosti) // Sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/103.htm (дата обращения 12.06.2016 г.).

7. Il'in E.P. Ob otsenkakh terroristicheskikh ugroz i podkhodakh Rossijskoj Federatsii k protivodejstviyu terrorizmu // Vestnik Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta. 2012. № 7. S. 10–15.

8. Istoki konfliktov na Severnom Kavkaze: monografiya / I.V. Starodubovskaya, D.V. Sokolov. M.: Izd. Dom «Delo» RANKHiGS, 2013. 280 с.

9. Kebekov Aliskhab Alibulatovich // Kavkazskij uzel. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/239677> (дата обращения 08.11.2014 г.).

10. Lebedeva M.M. Mezhehtnicheskie konflikty na rubezhe vekov // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2000. № 5. S. 31–40.

11. Litvinova T.N. Sovremennaya politicheskaya ehлита Severnogo Kavkaza: problemy stanovleniya // Kavkazskij sbornik. T.3 (35) / Pod red. V.V. Degoeva. M.: NP ID «Russkaya panorama», 2006. S. 283–300.

12. Popov N.P., KHajkin S.R. Severnyj Kavkaz: trudnyj dialog s vlast'yu // Kommunikologiya – Communicology. 2014. T.6. № 4. S. 124–156.

13. Portal pravovoj statistiki. General'naya prokuratura RF. Prestupnost' v regionakh v 2014–2015 gg. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.crimestat.ru/regions_chart_total (data obrashheniya: 28.11.2015 g.).
14. Saitov I.A., Mironov A.E., Korolev A.V. Protivodejstvie kiberterrorizmu – vazhnejshaya zadacha obespecheniya informatsionnoj bezopasnosti // Vestnik Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta. 2012. № 7. С. 72–79.
15. Smirnov A. N. EHtnicheskie kontury severokavkazskoj geopolitiki // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2000. № 5. С. 40–48.
16. Smirnov A.I. EHtnopoliticheskie protsessy na Severnom Kavkaze: osobennosti i osnovnye tendentsii. M.: IMEHMO RAN, 2001. 111 s.
17. Sotsial'no-ehkonomicheskoe polozhenie Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga v 2015 godu. M.: Rosstat, 2016. 84 s.
18. Spitsina A.YU. Kategorii naseleniya, podverzhennye vliyaniyu ideologii terrorizma, formy i metody vozdejstviya na nikh pri provedenii profilakticheskikh meropriyatij // Vestnik Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta. 2012. № 7. С. 18–23.
19. Strategiya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga do 2025 goda. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 6 sentyabrya 2010 g. № 1485-r [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.skfo.ru/article/category/Ekonomika/Strategiya_socialno-ekonomicheskogo_razvitiya_SKFO/ (data obrashheniya 12.06.2016 g.).
20. Strategiya gosudarstvennoj natsional'noj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666. // Sistema GARANT: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://base.garant.ru/70284810/#ixzz49VQ0aMSa> (data obrashheniya 12.06.2016 g.).
21. Struktura bezrabotnykh po vozrastnym gruppam v Rossijskoj Federatsii v 2012 g. // Sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. Trud i zanyatost' v Rossii – 2013 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_36/Main.htm (data obrashhenie 12.06.2016 g.).
22. Ran'zhina I.V. Regional'naya struktura Severnogo Kavkaza: problemy – nesovershenstvo – optimizatsiya v sisteme federativnogo ustrojstva // Rossijskij Kavkaz: problemy, poiski, resheniya / Pod obshh. red. R.G. Abdulatipova, A.-N.Z. Dibirova. Izdatel'stvo «Aspekt-Press», 2015. С. 192–200.
23. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii «O Ministerstve Rossijskoj Federatsii po delam Severnogo Kavkaza» ot 12 maya 2014 g. № 321 // Rossijskaya gazeta. 2014. 13 maya (№ 105).
24. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federatsii ot 2 aprelya 2013 g. № 30-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii» // Rossijskaya gazeta. 2013. 5 aprelya.
25. KHoperskaya L.L. Sovremennye ehtnopoliticheskie protsessy Severo-Kavkazskogo regiona: problemy politicheskogo upravleniya. Dissertatsiya v forme nauchnogo doklada na soiskanie uchyonoj stepeni doktora politicheskikh nauk. M., 1997. 68 s.